

УДК 821.111

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАРАСТАЮЩЕЙ ЭНТРОПИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРТИНА ЭМИСА

A.A. МАРДАНОВ
(Полоцкий государственный университет)

Исследуется проблема катастрофизма в прозе Мартина Эмиса, который постоянно обращается к тематике энтропийного угасания планеты и человечества в результате разрушительных тенденций второй половины XX века. Необратимый и закономерный процесс самоуничтожения воплощается в различных типах катастроф. Основной из них является уже состоявшаяся этическая катастрофа, проявляющаяся во всеобщем морально-нравственном упадке. Осознание процесса самоуничтожения и приближения неизбежной гибели приводит к ощущению обречённости, утрате смысла жизни, «смерти» любви. Дефективные, неспособные к общению, сочувствию, доброте, любви и прощению персонажи страдают от паники, тоски, одиночества и собственной неполноты. Только любовь, по мнению Эмиса, может противостоять набирающей обороты энтропии и вывести человечество из тупика. Однако существует замкнутый круг, заключающийся в неспособности деградировавших родителей правильно воспитывать детей. Они внушают им извращённые ценности и направляют на путь этического и физического разрушения. Следовательно, дети не являются гарантом спасения человечества, что символизирует полное отсутствие веры в сохранение будущих поколений, торжество нарастающей энтропии.

Введение. Мартин Эмис (Martin Louis Amis, р. 1949 г.), являясь «...блестящим хроникёром нашего времени...»¹ [1], воплощает в своём творчестве проблему человека во второй половине ХХ – начале ХХI века. Идея всепоглощающей энтропии невиданной мощи, ведущей планету и человечество к самоуничтожению, реализуется с помощью мотивов различных катастроф. В зависимости от десятилетия Эмис в своих произведениях делает акцент на той или иной катастрофе, наиболее беспокоящей его во время их написания. Они варьируются, как пишет Т. Чэтфилд, – «...от атомной войны до апокалипсиса окружающей среды, наряду с чудовищными излишествами наркотиков, алкоголя и необузданного капитализма в сопровождении перемежающегося избытка секса и насилия» [2]. Многие авторы антиутопий², по словам М. Эпштейна, исходят «...из исторически сложившихся гибельных и саморазрушительных тенденций в развитии человечества» [4, с. 326]. Романы и сборники рассказов Эмиса также служат предупреждением о неизбежных глобальных катастрофах, которые приведут к тотальному уничтожению, если не будут приняты меры по устранению уже существующих угроз. Художественная реальность произведений автора, по выражению исследователя его творчества, Г. Кьюлкса, «...балансирует между разрушительным настоящим и ещё более ужасным будущим» [5, с. 76].

Основная часть. Современная эпоха в творчестве Эмиса представляет собой не просто угрозу самоуничтожения, но уже начавшийся и прогрессирующий процесс энтропийного угасания энергии. Автор обеспокоен «...незаметно-неуклонным расширением воронки небытия, затягивающей всё без следа и без всякой надежды на спасение...» [6, с. 22]. Сама вселенная, по его словам, периодически и закономерно выходит из строя и неизбежно стремится к саморазрушению. Всё в художественном мире произведений писателя подвержено энтропическому угасанию и распаду, дестабилизации на экзистенциальном и онтологическом уровнях: «все мы летим вслепую» [7, с. 10], «жизнь – это ад, жизнь – убийство...» [8].

Новый антропоцентризм в произведениях автора предполагает тесную взаимосвязь проблемы планеты и века с проблемой человека. Эмис уподобляет их в своём угасании в набирающей обороты энтропии: «с каждым днём горничная возвращалась домой всё более усталой, более старой, более немощной. Этую цитадель порядка одолевала энтропия невиданной мощи. Дом, который так нуждался в том, чтобы оставаться единым целым, похоже, проделал уже немалый путь к тому, чтобы обвалиться или разлететься на части...»³ [10, с. 465]; «мир с каждым днём выглядит хуже. [...] Мир стареет. Мир видел всё и делал всё. Какой же он разбитый! Он устремлён к самоубийству. ...Мир занимался слишком многим, слишком часто и со слишком большим количеством людей; делал это так и этак... Мир был на очень многих вечеринках, в очень многих драках; он потерял ключи, у него украли сумку, он слишком пьян» [11]. Эмис часто подчёркивает, что ситуация конца ХХ века достигла состояния катастрофы в результате безответственной жизнедеятельности человека: «мы пробыли здесь недолго. И заставили поседеть эту землю. Когда-то она казалась вечно юной, но теперь стареет так же быстро, как наркоманка. Как свечка, лишенная

¹ Здесь и далее, при отсылке к первоисточнику, перевод мой – A. M.

² Эмис, по собственному признанию, «...всегда восхищался творчеством Оруэлла» [3].

³ Здесь можно привести похожую мысль другого крупного писателя, Г. Миллера, указывающую на одновременный и взаимосвязанный кризис человека и планеты: «мир – это зеркало моего умирания; и гибнет он так же, как я...» [9, с. 53].

воска, – практически голый фитиль. [...] ...Планета стареет, ...мать-земля стареет. [...] Трудно любить, когда ты весь сжат в ожидании неизбежного столкновения. И любовь... покидает все планеты, достигшие такого состояния, достигшие окончания своих двадцатых столетий» [10, с. 337 – 338].

В произведениях Эмиса отсутствуют персонажи, не имеющие забот и проблем. Они испытывают обречённость⁴, постоянный шок от реальности, страдают от отчаяния, пессимизма, ожидания неминуемой тотальной катастрофы, неприспособленности к жизни и боязни смерти. Они воспринимают жизнь как процесс умирания⁵, ощущают истощённость потенциала планеты и человечества, непрочность опор, удерживающих человека в этом мире, всеобщий морально-нравственный и физический упадок, вызванный во второй половине XX века «...аккумуляцией ...в общественной жизни масштабных кризисных явлений...» [13, с. 269], как указывает И.С. Скоропанова. Одна из причин общекультурного, этического и эстетического кризиса второй половины XX века заключается в том, что после исчезновения старых форм гражданственности и нравственности не появилось новых основательных и созидательных. Для объяснения этой ситуации автор использует метафору А. Герцена «беременная вдова»: «...отходящий мир оставляет не наследника, а беременную вдову. Между смертью одного и рождением другого утечёт много воды, пройдёт длинная ночь хаоса и запустения» [14, с. 116]. Длинная ночь хаоса и запустения – именно так Эмис видит постмодерность, находящуюся в стадии отсутствия логических связей в мире и сознании человека.

На тематику его произведений и присутствие в них многочисленных маркеров разрушительного хаоса оказал влияние его любимый писатель, В.В. Набоков (1899–1977), через всю прозу которого, как пишет М.Н. Липовецкий, «...проходит единая образная манифестация концепции хаоса» [6, с. 56]. В творчестве Эмиса хаос современной реальности тематически представлен различными явлениями: стиранием отличий между порами года из-за экологической ситуации, размыvанием границ и различий между культурами, языками и нациями из-за глобализации. Каждый город превращается в «...кишащий субконтинент чужих голосов, чужой одежды, чужих нужд» [15]. Подобная нивелировка разнообразных систем и явлений, снятие оппозиций также представляет собой процесс угасания, стадию прогрессирующей энтропии. Кроме того, хаос воплощён в безудержном разгуле насилия, грозящем со всех сторон и травмирующем психику персонажей.

Известно, что для воплощения культурных и онтологических изменений, разрушительных последствий веры в прогресс и стандартные «истинные» ценности человечества, приведшие его в тупик, нет ни возможности, ни необходимости использовать старую модель логики и эстетическую систему, поскольку она, по словам биографа Эмиса, М. Мартинеса, «...не может объяснить событие; она не может помочь нам понять событие таким образом, чтобы вызвать у нас катарсис...» [16]. Для изображения чрезмерно ироничной, абсурдной, гротеской, карнавальной и профанирующей эпохи позднего капитализма возрожденный стиль классического реализма не подходит. По этой причине постмодернистские литературные приёмы являются наиболее правдивыми средствами изображения хаотичной реальности конца XX века. Отказ Эмиса от поэтики реализма также связан с ощущением, что современная эпоха представляет собой ухудшение качества жизни, не столько экономического, сколько нравственного: «унаследованная нами реальность, – пишет он, – бесконечно унизительна» [17]. Для изображения конечной стадии деградации человеческих отношений и самой планеты автор обращается к смеху и иронии, которые являются логичной реакцией на гротескную и абсурдную реальность. Как считает Н.Б. Маньковская, «...иронизм становится смыслообразующим принципом мозаичного постмодернистского искусства» [18, с. 329]. Однако Эмиса, по его собственным словам, интересует чёрный юмор, «...тяжёлая, а не лёгкая комедия; смех с содроганием, панический смех...» [19, с. 97]. Он эстетизирует безобразное, отвратительное, профанирует этические ценности, сравнивает абсурдность существования с пребыванием в анекдоте, шутке. По его словам, «это ощущение присуще двадцатому веку. Мы – посмешище. [...] Просто приходится проживать анекдот» [20, с. 292].

Автор обращается к натуралистическому описанию современной реальности для демонстрации социальной ненормативности постмодернистской эстетики. В творчестве Эмиса воплощены всевозможные «...формы репрессированного традиционной культурой сознания..., способные накапливать психоисторическую и социальную энергию, которую только увеличивает давление социума» [21, с. 150]. Его персонажи охвачены всепоглощающей паникой⁶. Особенно силён страх перед насилием: «мир достигает точки кипения. В эти дни даже страшно открывать газету: все новости – о катастрофах и разрушениях. Люди теряют самообладание; жлобы побеждают на всех фронтах; чтобы выжить, каждый готов стать ещё гаже. Мир оборачивается своей дурной стороной» [22, с. 231]. Писатель сравнивает планету с трил-

⁴ «...Ричард знал, что его ждёт ад: вопрос лишь в том – какой круг» [12, с. 276].

⁵ «...Все мы в известном смысле умираем. На разных дорогах, с разными скоростями и в разных автомобилях» [10, с. 205].

⁶ «...Я вижу вещи такими, как они есть, а они ужасны. С этим сознанием я живу» [22, с. 229], «...реальность исчезла, её заменил кошмар...» [23, с. 379].

лером, от которого испытываешь постоянную тревогу и страх. С помощью художественных приёмов он демонстрирует степень паники в конце XX начале XXI века. Например: «в Америке – вообще говоря, стране будущего – большинство домашних животных (около шестидесяти процентов) сидят на антидепрессантах» [24, с. 16].

Делая в 2010 году ревизию итогов травмировавших его сознание событий, автор говорит: «история приводит меня в ужас... Нашим родителям пришлось через всё это пройти. Нам повезло. Единственное, о чём нам следует беспокоиться, – это конец света. Все может просто... прекратиться» [25, с. 228]. Следовательно, и в XXI веке страх Эмиса и его персонажей перед тотальной катастрофой не исчез. Более того, появилась новая проблема – угроза мирового терроризма⁷. Эмис солидарен с американской политикой, верит в медийных персонажей, которыми пугают страны «первого мира», чтобы оправдывать свои преступления против человечества. Мохаммеда Атта, который якобы участвовал в одном из терактов, он описывает в своём узнаваемом стиле, придавая ему типичные черты персонажей своих романов: Мохаммед никогда не смеялся, потому что никогда не находил в этой жизни ничего смешного. Первый раз в жизни он смеялся, управляя самолётом над океаном: «основной причиной [смеха – A. M.] было, конечно, тотальное убийство, тотальное умерщвление. Не команды самолёта, не пассажиров, не офисных служащих в башнях-близнецах, не уборщиков и поставщиков, не нью-йоркских пожарных и полицейских. Он думал о войне, о войнах, военных циклах, которые последуют за этим днём» [26]. Такой персонаж отлично вписывается в художественный мир произведений Эмиса, поскольку он верит только в смерть и разрушение. Единственным удовольствием для него является насилие и убийство.

С точки зрения проблемы этики, проза Эмиса является постапокалиптической, поскольку этическая катастрофа уже состоялась. Вторая половина XX века обозначена у автора тоской по утраченным ценностям, по чему-то настоящему, нормальному – доброте, любви, прощению, красоте. Пренебрегаемые персонажи-маргиналы в романах автора мечтают, чтобы другие обратили на них внимание, либо хотя бы не были против их компаний. Дисфункциональное общество изолированных и неполноценных персонажей, неспособных к общению и сочувствию, утрачивает всякий смысл существования. Любые искренние проявления своей натуры, либо нормального поведения, отклоняющегося от образованных симуляков, производимых и распространяемых телевидением и Интернетом, воспринимаются как нечто чуждое, шокирующее: «и тогда Джайлз... сделал что-то, чего он не делал пять лет. Он повернулся анфас к Розанне и улыбнулся – не его обычной трагикомической маской, тонкогубой полоской, а радостной, искренней, мальчишеской ...улыбкой» [27, с. 193].

Эмис подчёркивает тот факт, что люди отстраняются друг от друга. В «Стреле времени» (*Time's Arrow: Or the Nature of the Offence*, 1991) говорится: «одиночество, растущее вокруг меня, подо мной, – вот чего я не могу принять. Глянец жреческого равнодушия на лицах... Блеклое невнимание в глазах соседей» [28, с. 72]. Главным признаком моральной катастрофы является отсутствие или «смерть» любви, которая убивает способность общения и созидательного, здорового сосуществования людей. «Смерть» любви «...началась с самой планеты и фантастического её *coup de vieux*»⁸ [10, с. 337]. Её ускорила сексуальная революция, из-за которой секс отделился от чувственности: «интровертность сменилась экстравертностью, в результате чего на первом плане оказалась бесчувственность, получившая свое концентрированное выражение в порнографии» [18, с. 197]. Кризис гуманизма, ощущение изжитости западной цивилизации и приближения гибели делают невозможным существование любви: «...желание любить возникнуть не могло. К чему кого-либо любить, если все могут исчезнуть?» [24, с. 212]. В результате этого жизнь утратила всякий смысл.

Только любовь, по мнению Эмиса, что может вывести человечество из кризиса: «возможно, смысл любви в том, чтобы заключить всех людей в один общий круг, ...который часто разрывается то тут, то там, но неизменно стремится сохранить свою целостность» [29, с. 237]. Любовь в прозе Эмиса – это антоним энтропии, основной спасительный элемент, который может залатать «чёрные дыры», нейтрализовать «силовые поля», которые отталкивают людей друг от друга, и вывести человечество из тупика. В «Опыте» (*Experience*, 2000) писатель сам подчёркивает очевидное и поразительное отсутствие таких понятий, как любовь и прощение, во всём своём творчестве.

Заключение. В эпоху безразличия и эгоизма персонажей произведений Эмиса не беспокоит, как последующие поколения будут справляться с проблемой самоуничтожения планеты и человечества. По этой причине дети не менее взрослых страдают от паники, неврозов, дефицита любви и являются та-

⁷ Глобализация усиливает страх европейцев перед терроризмом. Умберто Эко пишет: «...где угодно может возникнуть лицо врага, который совсем не является твоим ближним, желает совсем не того, чего желаешь ты, и совсем не расположен подставлять тебе вторую щеку, потому что метит прямо в сердце. И нельзя слезть, нельзя остановить представление. Больше невозможно «ухать в деревню»: она стала настолько глобальной, что даже не получится больше показать врагу пятки, удирая от него по прямой. Это быстро сообщат другому, и он двинется тебе навстречу, огибая глобус» [25, с. 20–21].

⁸ *Coup de vieux* – (фр.) «внезапное старение».

кими же сгустками отрицательной энергии. В «Лондонских полях» (*London Fields*, 1989) автор описывает «...ребёнка, только начинающего ходить, с серьгами в ушах (проколотых), а другого – с татуировкой (раненая певчая птица). Есть там и дети с напяленными париками, очками и игрушечными зубными протезами. Возят их в креслах-каталках» [30]. Кроме того, что эти маркеры подчёркивают воздействие на детей пагубных тенденций второй половины XX века, которым подверглись их родители в относительно самостоятельном возрасте, они свидетельствуют о том, что сами деградировавшие родители внушают детям извращённые ценности, приобщают их к ненатуральности, потребительству и направляют на путь этического и физического разрушения.

Следовательно, дети во всём похожи на взрослых и не годятся для спасения планеты. Эмис подчёркивает в своих романах прочность замкнутого круга, отсутствие веры в исправление ситуации: ребёнок «...думает, что ты – Бог, пока ему не исполнится три года. До двенадцати ему хочется залазить к тебе в постель. Потом, пока ему не исполнится двадцать, он думает, что ты – подонок. Затем он становится гомиком, или что-то в этом роде, и до шестидесяти чувствует себя виноватым перед тобой и таким же старым и конченым как ты» [8]. Если в конце романа К. Эмиса (*Kingsley Amis, 1922–1995*) «Старые черти» (*The Old Devils*, 1986), который М. Эмис выделяет как одно из лучших произведений своего отца, дети выступают в роли искупителей, гарантами спасения и прощения, стабилизирующей силой, то в творчестве М. Эмиса это невозможно. Для того чтобы дети не знали страха и не превратились в таких же травмированных невротиков, как их родители, о них нужно беспрестанно заботиться, подавать нужный пример, окружать заботой и любовью, но вместо этого взрослые обращаются с ними небрежно и жестоко. Сексуальная эксплуатация, избиение и убийство детей символизируют полное отсутствие веры в сохранение будущих поколений, торжество нарастающей энтропии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Martin Amis: Now we are 60 / Independent News and Media [Electronic resource]. – August, 23, 2009. – Mode of access: www.martinamisweb.com/bio_graphy_files/Independent_MA60.pdf. – Date of access: 04.05.2014.
2. Chatfield, T. Martin Amis: the return of the master / T. Chatfield // Prospect Magazine [Electronic resource]. – May, 2009. – № 158. – Mode of access: http://www.martinamisweb.com/reviews_files/chatfield_returnmaster.pdf. – Date of access: 12.04.2014.
3. Kingsley Amis, interviewed by S.T. de Pue / The Martin Amis Web [Electronic resource]. – March, 9, 1975. – Mode of access : <http://www.martinamisweb.com/days.shtml>. – Date of access: 04.05.2014.
4. Эпштейн, М. Постмодерн в России. Литература и теория / М. Эпштейн. – М.: Издание Р. Эрлина, 2000. – 368 с.
5. Keulks, G. Father and Son. Kingsley Amis, Martin Amis, and the British Novel since 1950 / G. Keulks. – Madison: The University of Wisconsin Press, 2003. – 328 p.
6. Липовецкий, М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): моногр. / М.Н. Липовецкий; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1997. – 317 с.
7. Amis, M. Yellow Dog / M. Amis. – London: Jonathan Cape, 2003. – 340 p.
8. Other People: A Mystery Story [Electronic resource] / M. Amis. – London: Jonathan Cape. – 1981. – Mode of access: <http://dl.bookfi.org/converted/genesis/573000/14f8d87c05d20e75c2f38f0a2a300591.mobi>. – Date of access: 22.02.2012.
9. Миллер, Г. Третий или четвёртый день весны / Г. Миллер // Время убийц: Рассказы, повесть / Г. Миллер; пер. с англ. И. Стам. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 46–61.
10. Эмис, М. Лондонские поля / М. Эмис; пер. с англ. Г. Яропольского. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. – 816 с.
11. Amis, M. Bujak and the Strong Force or God's Dice / M. Amis // Einstein's Monsters [Electronic resource]. – 1987. – Mode of access: <http://www.likebook.ru/books/download/175521/>. – Date of access: 14.11.2007.
12. Эмис, М. Информация / М. Эмис; пер. с англ. В. Симонова. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. – 576 с.
13. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И.С. Скоропанова. – СПб.: Невский Простор, 2001. – 416 с.
14. Герцен, А.И. С того берега / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 6 / А.И. Герцен. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. – С. 5–132.
15. Success [Electronic resource] / M. Amis. – 1995. – Mode of access: http://ebookee.org/Martin-Amis-Success_248686.html. – Date of access: 20.04.2010.
16. Martinez, R. Discussion Board Dialogue on Night Train / R. Martinez, N. Shuit // The Martin Amis Web [Electronic resource]. – August, 25, 1998. – Mode of access: http://www.martinamisweb.com/documents/dialogue_nt_1998.pdf. – Date of access: 23.13.2014.

17. Amis, M. Introduction / M. Amis // Einstein's Monsters [Electronic resource]. – 1987. – Mode of access: <http://fb2.booksgid.com/content/96/martin-amis-einsteins-monsters/1.html>. – Date of access: 14.11.2007.
18. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
19. Morrison, S. The Wit and Fury of Martin Amis / S. Morrison // Rolling Stone. – 17 May, 1990. – № 578. – P. 95–102.
20. Amis, M. Money: a Suicide Note / M. Amis. – London: Penguin Books, 1985. – 394 p.
21. Берг, М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. Берг. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 352 с.
22. Эмис, М. Успех / М. Эмис; пер. с англ. В. Симонова; сост. А. Гузман, А. Жикаренцев. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. – 352 с.
23. Amis, M. Let Me Count the Times / M. Amis // Modern British Short Stories; ed. by M. Bradbury. – London: Penguin Books Ltd., 1988. – P. 369–381.
24. Эмис, М. Беременная вдова: роман / М. Эмис; пер. с англ. А. Асланян. – М.: Астрель: CORPUS, 2010. – 576 с.
25. Эко, У. Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках / У. Эко; пер с. итал. М. Визеля и А. Миролюбовой. – СПб.: Симпозиум, 2010. – 416 с.
26. Amis, M. The Last Days of Muhammad Atta / M. Amis [Electronic resource]. – Guardian Newspapers Limited. – September, 2006. – Mode of access: http://www.martinamisweb.com/documents/lastdays_one.pdf. – Date of access: 25.04.2014.
27. Amis, M. Dead Babies / M. Amis. – New York: Vintage International, 1991. – 220 p.
28. Эмис, М. Стрела времени, или Природа преступления / М. Эмис. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2004. – 192 с.
29. Эмис, М. Другие люди: Таинственная история / М. Эмис; пер. с англ. А. Принцевой. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009. – 320 с.
30. London Fields [Electronic resource] / M. Amis. London: Jonathan Cape. – 1989. – Mode of access: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/146335/London_Fields.html. – Date of access: 28.12.2006.

Поступила 09.06.2014

THE DESTRUCTIVE POTENTIAL OF INCREASING ENTROPY IN MARTIN AMIS'S WORKS

A. MARDANAU

This article deals with the problem of the entropic decay of the planet and mankind as a result of the destructive tendencies of the second half of the 20th century as depicted in the works of M. Amis. The irreversible and naturally determined process of their self-destruction is embodied in various types of catastrophes including the already established ethical catastrophe which is made manifest in the overall decline of morality. The awareness of self-elimination and of imminent death, results in a feeling of doom, a loss in the meaning of life, and the "death" of love. Defective characters who are incapable of communication, sympathy, kindness, love and forgiveness, suffer from fits of panic, depression, solitude and lack of self-worth. In Amis's opinion, it is only love that can resist the expansion of entropy and help mankind find a way out of the impasse. However, there is a vicious cycle that presupposes the inability of degraded parents to rear their children properly. They instill their perverted values into them and guide them towards ethical depravity and physiological decay. Thus children cannot be guarantors for the salvation of mankind, which means a total lack of belief in the preservation and survival of future generations and enforces the triumph of increasing entropy.